

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр междисциплинарных
исследований человеческого
потенциала

Языки и культуры коренного населения России: как и зачем сохранять разнообразие?

Научный дайджест № 4 (33) • 2024

Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образование.

Центр реализует 80 научных проектов. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:

социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала

нейрокогнитивные механизмы социального поведения

демографические и социальные факторы активного долголетия

природно-климатические детерминанты устойчивого развития

занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций

человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире

человек в эпоху технологических трансформаций

Научный дайджест подготовлен в рамках проекта «Арктический центр: языковое и культурное разнообразие Севера, Сибири и Дальнего Востока».

Руководитель проекта «Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП»: О. В. Ворон.
Авторы: А. И. Виняр, А. В. Влахов, И. А. Зибер, М. С. Лапина, М. А. Мордасов, А. М. Рыжков, А. А. Смирнова, И. А. Стенин
Редакторы: И. А. Зибер, М. С. Лапина, М. А. Кучеренко
Рисунок на обложке: Остановочный павильон, г. Усинск, Республика Коми, июль 2023.
Фото Марии Лапиной

Введение

В социогуманитарных науках языковое и культурное разнообразие понимается как одно из важнейших условий развития человеческого потенциала, которое обеспечивает устойчивое развитие человечества в целом и региона в частности. Тем не менее это разнообразие в современном мире находится под угрозой. С начала прошлого века происходила активная централизация языковой и культурной политики, контроля за образованием и хозяйствованием, усилились миграции населения. Это привело к тому, что традиционная культура во многих северных коренных сообществах оказалась утрачена или значительно трансформировалась. Языки коренных народов России перестают передаваться детям, а без естественной передачи язык умирает. В то же время в условиях экономически обусловленного контакта коренных жителей с русскими мигрантами в северных регионах сформировались и продолжают **формироваться новые сообщества с новыми более сложными идентичностями**. И современные языки коренных народов, и современные культуры, и современные сообщества Севера и Арктики во многом остаются неизвестными для широкого научного сообщества. В силу труднодоступности Крайнего Севера описания многих аспектов жизни людей отсутствуют, а те, которые у нас имеются, относятся к прошлому веку и должны быть обновлены. Задача исследователей-североведов в области социогуманитарных наук – документировать сохранные аспекты традиционных культур и языков, описывать новые языковые системы, социокультурные реалии и идентичности, формулировать закономерности трансформаций культур и языков в современном мире, а также составлять новую картину языкового и культурного разнообразия. Помимо исследователей-североведов, языковое и культурное разнообразие интересует активистов, которые стараются сохранять традиционный язык, промыслы, искусство, популяризировать этническую самобытность среди молодёжи, находить для неё новые медиумы, более подходящие современным реалиям и запросам. И исследовательская практика, и активизм признают **языковое и культурное разнообразие как ценность для сообщества и для отдельного человека**.

В этом номере дайджеста читателю предлагаются отдельные значимые достижения в области социогуманитарного североведения. В первом разделе представлены новые данные в области социальной и культурной антропологии: **исследования идентичностей**, в том числе этнических, региональных и языковых на примере сообществ из **Республик Карелия и Коми и Камчатского края**. Во втором разделе дайджеста представлен обзор некоторых последних **исследований в области лингвистики**. На примере чукотского языка представлены исследования диалектного разнообразия на Севере, которое являет себя на разных языковых уровнях, переживающих трансформацию в условиях влияния русского языка и языковой утраты. Исследования отдельных языковых структур предлагаются на примере тундрового ненецкого языка.

Социокультурное разнообразие на Севере: идентичности и языки

С 2019 года группа исследователей из НИУ ВШЭ занимается описанием языковой и этнокультурной ситуации в северных регионах России. Научный интерес к этой области знания продиктован необходимостью фиксации процессов, ускорившихся в наше время и с некоторой вероятностью способных привести к исчезновению уникальных языков и культур. Увеличивающееся число миграций и другие аспекты глобализации влияют на этнический состав населения и на отношения традиционного и коренного с новым и пришлым. Города становятся пространствами сверхразнообразия, а места компактного проживания коренных малочисленных народов сейчас сложно назвать изолированными. В связи с этим меняется и языковая ситуация: там, где раньше для основной коммуникации использовались языки коренного населения и русский язык как *lingua franca*, сегодня **русский язык почти повсеместно играет главную роль**, и лишь в некоторых сообществах наблюдается функциональная **диглоссия** – ситуация, когда в сообществе одновременно сосуществуют два идиома, используемые их носителями в разных функциональных сферах – с локальным языком в качестве «низкого». Скорость этих процессов особенно ярко видна на российском Севере – в регионе, где лишь в XX веке началось активное промышленное освоение, повлёкшее за собой крупные волны миграции.

Исследования проводились в республиках Карелия и Коми, Камчатском крае, Мурманской области и Ненецком автономном округе. В ходе полевой работы исследовательский коллектив провёл и записал более тысячи полуструктурированных интервью с жителями этих регионов.

Остановочный павильон с надписью на «литературном» коми языке, г. Усинск, Республика Коми, февраль 2024. Фото Анастасии Смирновой.

Республика Карелия

Исследование велось в Петрозаводском и Костомукшском городских округах, Лоухском, Муезерском, Прионежском, Кондопожском, Кемском, Сортавальском, Лахденпохском, Питкярантском районах, Калевальском, Олонецком и Пряжинском национальных районах в 2019–2024 годах.

В недавно опубликованной статье Алексея Рыжкова¹ анализируются **конструирование карельской идентичности** и связанные с ним **языковые идеологии**. По мнению автора, к концу XX – началу XXI в. в сообществе карелов Республики Карелия произошел языковой сдвиг – естественная передача карельского языка от старших поколений к младшим была нарушена, а русский стал доминирующим практически во всех сферах общения, как и во многих других регионах российского Севера. Не являясь больше основным средством коммуникации, карельский, тем не менее, остался для многих представителей группы важным компонентом этнической идентичности в символическом аспекте.

Языковой сдвиг заметен и для членов сообщества – это подтверждает анализ полевых материалов, собранных в нескольких экспедициях в Карелию. Жители республики рефлексировали над сложившейся языковой ситуацией, в особенности, когда речь заходит об этнической идентичности и проведением границ между карелами и Другими. Кажется, что среди представителей сообщества сформировались **две основные стратегии самоидентификации**, которые построены в том числе на осмыслении динамики языковой ситуации. Первая стратегия имеет отношение к языковой идеологии, связывающей витальность языка и сохранение самой этнической группы. Согласно этой стратегии, любая работа по возрождению интереса к карельскому языку и созданию условий для расширения сфер его функционирования превращается в **борьбу за сохранение этнической идентичности**. Вторая стратегия предполагает существование целого ряда практик, в которых применение карельского языка воспринимается как **реализация этничности**, даже если для вовлеченных в них людей он не является основным средством коммуникации. Обобщая такие представления, можно говорить о языковой идеологии перформативности, когда использование этнического языка само по себе становится воспроизведением этничности.

Республика Коми: Ижемский район и Усинский муниципальный округ

Север Республики Коми – территория со своей культурной, экономической и социальной спецификой. Здесь нефтедобывающая промышленность соседствует с оленеводческим промыслом, традиционно проживающие на этой территории коми – с вахтовиками со всей страны, осевшие – с «временщиками». Разнообразие акторов порождает сложные социальные взаимодействия и процессы.

Конструирование коми-ижемской идентичности и связанные с ним **языковые идеологии** анализируются в статье Матвея Мордасова, Анастасии Смирновой и Андриана

¹ Рыжков А. М. Языковые идеологии и конструирование карельской этничности // Этнографическое обозрение, 2023, №6. С. 139–155.

Влахова². Исследование велось в Ижемском районе и Усинском муниципальном округе, которые находятся в северной части региона.

Языковые идеологии – то, как и что люди думают о языках и их разновидностях – аспект, по которому наблюдается скорее единство и относительная интегрированность социального пространства Ижемского района и Усинского округа. И там, и там местный вариант коми языка используется в повседневности и в некоторых семьях передаётся детям. В Ижемском районе передачи языка детям заметно больше, в сёлах и деревнях Усинского округа можно говорить о некоторой степени языкового сдвига.

Сложившуюся в Ижемском районе Республики Коми языковую ситуацию можно описать как **символическую диглоссию**. Этнические активисты, репрезентирующие коми-ижемцев, представители академического сообщества и так называемые «обычные жители» регулярно выделяют и противопоставляют сообщества Ижемского района коми, проживающим на остальной территории республики. Можно предположить, что основой этого противопоставления должен быть язык, однако в дискурсе членов сообществ язык не является таким критерием. С большей уверенностью можно говорить об устойчивости географической идентичности сообществ Ижемского района и на данный момент лишь формирующейся концептуализации «ижемскости» как этничности. Тем не менее в дискурсе жителей Ижемского района существуют иные противопоставления, на которых строится языковая идентичность. Так, в рамках языковой идеологии «**особости**» друг другу противопоставляются локальные коми идиомы и надлокальный наддиалектный «литературный» коми язык, использующийся в официальных ролях и образовании и употребляющийся скорее в символической роли небольшой группой работников культуры и образования в дискурсах о национальной специфике республики. А в рамках идеологии «**смешанности**» местный коми идиом противопоставляется южным идиомам коми языка, на которых основан «чисто коми» литературный стандарт, и признается смешанным с русским языком – «не чисто коми».

Камчатский край: Быстринский район

Исследование Матвея Мордасова, Анастасии Смирновой и Марии Лапиной ведётся в Быстринском районе Камчатского края, находящемся в центральной части полуострова. В Быстринский район входят всего два населённых пункта – административный центр село Эссо и село Анавгай, расположенные в 25 километрах друг от друга. Население Эссо и Анавгая довольно разнообразно: там живут коренные коряки и эвены, люди, недавно перебравшиеся туда со всей России, камчатцы, живущие на Камчатке поколениями. При этом ни одна из этих категорий населения не является для Быстринского района «исконной» – эвены пришли на эту территорию лишь в середине XIX века, коряков в советское время переселили из соседнего Соболевского района, а условные «русские» являются здесь исторически пришлыми.

Несмотря на этническое разнообразие, наиболее **видимой группой** в Быстринском районе **являются эвены**, а их культура символически здесь более значима, чем другие. Например, на праздниках и мероприятиях, где конструируется так называемая

² Мордасов М. А., Смирнова А. А., Влахов А. В. Коми свой, коми другой: идентичности коми-ижемцев через языковые идеологии // Этнография, 2023, № 3. С. 125–142.

фестивальная этничность, культурное разнообразие Быстринского района объединяется под «эмблемой» эвенскости. В локальных дискурсах присутствуют идеи о необходимости изучать эвенский язык (ожидаемо, прежде всего среди эвенков), и эвенский преподаётся в некотором объёме в школе, а в эссовской библиотеке организованы курсы эвенского языка. В это же время о возможности преподавать и изучать корякский жители – даже коряки – почти не задумываются, поддерживая идею преподавания эвенского. Это может быть связано не только с доминированием эвенской культуры, но и с желанием «**сохранить хоть что-то коренное**» – в данном случае эвенский язык и другие атрибуты эвенскости. Специфической репрезентации соболевской корякской культуры не происходит – в крайнем случае репрезентируются и воспроизводятся «общекамчатские» корякские атрибуты, а из локальных – только историческая память о Соболеве и особенности локального варианта корякского языка.

Анализ полевых данных демонстрирует относительную **закрытость этнических сообществ Камчатки**, а в конструировании категорий важную роль играют «расовые» параметры, например, внешность. Здесь можно вспомнить конкурсы, где для репрезентации разных культур народов Камчатки необходимо прежде всего выглядеть как «коренной» и происходить из среды «коренных». По словам информантов, в некоторых случаях разнотничные родители могут «записать» одного своего ребёнка эвенком, а другого – коряком, основываясь на их фенотипических особенностях и характере, приписываемом той или иной этнической группе.

Эссо, Камчатский край. Фото Инны Зибер.

Языковое разнообразие на Севере: преемственность, инновации и утрата

Диалектное разнообразие (чукотский язык)

Чукотский язык распространён в Чукотском АО на огромной территории, но диалектное разнообразие в нём традиционно описывается как незначительное³⁴. Группа исследователей из Высшей школы экономики с 2016 года ездит в Амгуэму и описывает амгуэмский говор, отличающийся от уже документированных восточного уэленского и южного «телькепского». С одной стороны, чукотский язык сам по себе в сравнении с другими представляет собой **важнейший материал для типологических обобщений**: чем большее разнообразие языковых систем и структур доступно лингвистам, тем ближе человечество к пониманию того, каков человеческий язык вообще, что доступно языковой способности человека, мышлению человека. С другой стороны, описание и сравнение диалектов помогает понять, как на коммуникативные практики людей влияют география территории, образ жизни и традиционное хозяйствование, глобализация и культурные контакты. Таким образом, описание чукотского языка в его диалектном разнообразии вносит значимый вклад как в общую лингвистику, так и в наши знания о **роли языка в сохранении и развитии человеческого потенциала**.

Фонетические особенности амгуэмского говора чукотского языка в сравнении с другими говорами чукотского и с другими языками мира анализируются в недавно опубликованной статье Инны Зибер⁵, участницы проекта НЦМУ. Автор обращает внимание на некоторые ранее не описанные или не связывавшиеся между собой факты фонетики амгуэмского чукотского: ламинальные произнесения взрывного, особенно заметные при палатализации, в том числе с аффрикатизацией; сдвиг в альвеолярную область и палатализация фрикативного; необязательность произношения *tr* как [tt] (при допустимости и даже нормативности апикальных произнесений всех альвеолярных). Эти и некоторые другие факты современного амгуэмского чукотского позволяют говорить о том, что в этом идиоме происходит или даже уже произошёл сдвиг артикуляционной базы от традиционно чукотской апикальной доминанты к ламинальной, свойственной русскому языку. Перечисленные явления не были описаны в более ранней литературе и, по-видимому, стали распространены не ранее второй половины XX века. В это же время можно говорить об усилении влияния русского языка: монолингвальные дети, выросшие в тундре, увозились, зачастую против воли, в поселковые школы-интернаты, где после освоения русского говорить по-чукотски вне уроков родного языка, по свидетельствам наших консультантов, запрещалось, из-за чего использование чукотского уже с детства часто было искусственно ограничено у поколения носителей, с которыми мы работаем. Одновременно с этим в этом поколении амгуэмских чукчей был утрачен женский гендерный диалект, который наши консультанты сейчас восстанавливают по воспоминаниям о речи матерей и даже бабушек и в котором, судя по всему, обязательность апикального

³ Bogoras W. Chukchee. Handbook of American Indian languages. Vol. 2. Boas F. (ed.). Washington: Government Printing Office, 1922, 631–903.

Dunn 1999 — Dunn M. A Grammar of Chukchi. Ph.D. diss. Canberra: Australian National Univ., 1999.

⁴ Dunn M. A Grammar of Chukchi. Ph.D. diss. Canberra: Australian National Univ., 1999.

⁵ Зибер И. А. Чукотские сонорные согласные в типологической перспективе. Вопросы языкознания, 2024, №2. С. 122-142.

произношения альвеолярных согласных поддерживалась рядом фонетических правил. Не исключено, что сдвиг к ламинальности, возможно, в меньшей степени проявляющийся в других диалектах чукотского, со временем мог бы привести к большим, чем сейчас, различиям в фонетике диалектов чукотского языка. В статье также рассматривается фонетико-акустическое разнообразие чукотских аппроксимантов разных мест образования. Появление губно-зубных и потому преимущественно шумных реализаций *w*, расширение контекстов, в которых губно-зубная реализация допустима, со временем могут привести к более надёжному различению губных как более шумных и велярных как более сонорных. Таким образом, появление новых по месту образования реализаций может анализироваться не только как следствие внешнего, русскоязычного влияния, но и как процесс, обусловленный внутренним устройством фонетической системы чукотского языка.

В области **морфосинтаксиса** чукотского языка большие успехи в последнее время достигнуты в исследованиях инкорпорации, в которых ведущую роль играет участник проекта НЦМУ Алексей Виняр. Защитив диссертацию⁶ и выпустив обширную статью⁷, А. Виняр расширил интересы в сторону инкорпорации S-участника. В ходе экспедиции на Чукотку в 2023 году исследовалась именно имперсональная инкорпорация, при которой позиция S остаётся незанятой (типа *в реке рыбо-поднимается*). Имперсональная инкорпорация противопоставляется такой инкорпорации S, при которой в позицию S продвигается участник под воздействием (мале-/бенефициант, пространственный участник, типа *река рыбо-поднимается*). Для получения нужных для исследования примеров носителям амгуэмского диалекта предлагался контекст на русском или чукотском языках, в котором присутствовали множественный одушевлённый участник (чтобы согласование по единственному числу на глаголе не могло отсылать к посессору/человеку под воздействием) и место в локативе (чтобы единственное число не отсылало к некоторому невыраженному месту, если это уместно). Полученные данные позволяют утверждать, что имперсональная инкорпорация S возможна не только в метеорологических контекстах, а охватывает более обширную зону. В основном такая инкорпорация возможна с объектами, которые касаются природы, а не деятельности человека и всего с ней связанного. Объекты, реально или потенциально принадлежащие людям, в большинстве случаев вызывают персональную интерпретацию. При этом не любая сущность природного происхождения может быть инкорпорирована (*птице-улетать, хотя ^{OK}*рыбо-подниматься*), а многие культурные сущности, напротив, могут инкорпорироваться, часто в контекстах, связанных со звуком, светом и запахом (^{OK}*ноже-прогремять*, ^{OK}*хорошо-рыбо-пахнуть*, ^{OK}*в доме водо-шуметь*, ^{OK}*в яранге светильнико-светить*).

⁶ Виняр А. И. Инкорпорация имени в чукотском: силовая динамика и диахроническая типология. Дисс. на соискание ст. к. ф. н. Москва, Высшая школа экономики. 2023.

⁷ Alexey I. Vinyar. Beyond syntactocentric and lexicalist: event-structural force-dynamic approach to noun incorporation and promotion to direct object in Amguema Chukchi // *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 2. P. 114-14.

Стадо оленей у стойбища в Амгуэмской тундре, Чукотский АО. Фото Инны Зибер.

Разнообразие языковых структур (тундровый ненецкий язык)

В последнее время были опубликованы сразу несколько значимых для области статей, в которых представлены исследования актантной деривации в северных самодийских языках. Их автор – Иван Стенин, участник проекта НЦМУ.

В одной из статей⁸ рассматриваются словообразовательные показатели тундрового ненецкого языка, функция которых может быть названа **антипассивной**. Присоединение их к глагольной основе затрагивает синтаксический статус Р-участника двухместного переходного глагола, а также может накладывать определённые семантические или прагматические ограничения на интерпретацию Р-участника. Антипассивизация в тундровом ненецком языке тесно связана с имперфективацией, что типологически ожидаемо. С одной стороны, к антипассивизации могут приводить имперфективирующие деривации, в первую очередь из зоны предикатной множественности. С другой стороны, показатель *-ηko*, который может быть назван специализированным антипассивом, присоединяется исключительно к переходным глаголам и в обязательном порядке приводит к имперфективации и детелисизации. В то же время он не исключён из актуально-длительных контекстов, хотя в большинстве типичных употреблений предполагает низкую степень идентифицируемости Р-участника, его нереферентный, неопределённый или

⁸ Стенин И. А. Антипассивные показатели в тундровом ненецком языке // Урало-алтайские исследования. 2023. № 4(51). С. 80-105.

генерический статус. Аналогичные эффекты в сочетании с переходными глаголами привносит показатель Имперфектива *-tə / -nə*, однако он присоединяется также к непереходным перфективным глаголам. Специально обсуждаются морфонологические ограничения на показатель *-ŋko*, а также конкуренция Антипассива и Имперфектива. Отдельно комментируются также данные других северносамодийских языков. Система в лесном ненецком похожа на тундровую ненецкую. В отличие от ненецких языков, в лесном энецком языке антипассивные конструкции малочисленны и периферийны, а в нганасанском языке их не обнаруживается в принципе.

Другая работа⁹ посвящена **причастному пассиву** в тундровом ненецком языке. При одной из двух стратегий причастного пассива выражение агенса допустимо, а при другой – невозможно. Первая стратегия рассматривается преимущественно на примере конструкции с перфективным причастием. Обсуждается событийный vs. результативный характер пассива и согласовательные паттерны данной конструкции. Также отмечается ограниченная допустимость пациентивных подлежащих первого и второго лиц. Вторая стратегия, которая является обязательно имперсональной, обсуждается на примере конструкции с имперфективным причастием. Причастие в этой конструкции образуется от глагола через посредство показателя дуратива. Эта конструкция используется в хаби-туальных (генерических) контекстах и не допускает выраженного агенса.

Ещё в одной статье¹⁰ рассмотрены **глаголы, образованные с помощью непродуктивного показателя *-ra / -rye***, в тундровом ненецком языке. Такие глаголы непереходны, перфективны и изменяются, как правило, по рефлексивному спряжению. В морфосинтаксическом отношении функцию этого показателя в сочетании с переходными глаголами можно считать пассивной. Присоединение показателя допустимо также для ряда непереходных глаголов и именных основ. Отыменные глаголы демонстрируют двойную манифестацию «пассивной» морфологии и позволяют продвинуть в позицию подлежащего участника, отсутствующего в аргументной структуре. В семантическом отношении большую часть пассивных дериватов объединяет употребление преимущественно в адверсативных контекстах. Возникновение адверсативных употреблений может быть связано с наличием каузативно-пассивного синкретизма и Р-лабильности.

Залог и актантная деривация являются примерами глагольных категорий, которые имеют **одновременно морфосинтаксические и семантические корреляты**. Часто они противопоставляются и анализируются отдельно, однако материал тундрового ненецкого языка демонстрирует, что провести границу между этими классами явлений часто едва ли возможно. Более того, важно изучать не только их взаимосвязь, но и их **взаимодействие с другими грамматическими явлениями и категориями**: видовой системой, аспектуальными деривациями, глагольным согласованием и пр. В частности, к смещению и удалению прямого объекта в тундровом ненецком языке может приводить не только присоединение к глаголу специализированного антипассивного показателя, но и ряда показателей из зоны предикатной множественности. Исследование различных пассивных стратегий свидетельствует о том, что они могут проявлять ограничения различной природы, связанные с различными доменами. Так, причастный пассив,

⁹ И. А. Стенин Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 96-108.

¹⁰ Стенин И. А. О пассивных глаголах с показателем *-ra / -rye* в тундровом ненецком языке // Вопросы языкознания. 2023. № 4. С. 21-46.

допускающий выражение агенса, может быть чувствителен к лицу подлежащего, имперсональный причастный пассив используется лишь в хабитуальных (генерических) контекстах, тогда как разнообразные конструкции с глагольным показателем пассива, по-видимому, объединены тем, что предполагают акцент на «затронутости» одного из участников – либо продвинутого в позицию подлежащего, либо связанного с ним посессивными отношениями.

Заключение

Современные исследования языкового и культурного разнообразия в России ведутся во множестве научных и образовательных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Якутска, Томска, Новосибирска и других городов. Исследования охватывают как различные грамматические, фонетические и семантические явления в языковых системах, так и процессы на стыке языковых подсистем и ярусов, а также социолингвистическую ситуацию в сообществе, представленность локального языка в языковом ландшафте, отношение к языку и языковому сдвигу, языковой, культурной и национальной политике. Исследования культурного разнообразия охватывают как этнокультурную ситуацию в регионах и локальные идентичности, так и современное бытование традиционных практик коренного населения. Новейшие исследования часто используют полевые данные, полученные в труднодоступных населённых пунктах Севера и Арктики с помощью методов современной лингвистики и культурной антропологии. Даже если остановить утрату языка и трансформацию культуры невозможно силами учёных – и, возможно, даже не входит в их задачи – качественная документация социокультурной и языковой ситуации на Севере имеет безусловную ценность.

Село Амгуэма, Чукотский АО. Фото Инны Зибер.